

— Евнух Ань, живо докладывай! — поторопил император.

— Порошок Забвения, — ответил главный лекарь. — После его принятия человек забывает всё, что произошло в тот день. Наложница Шань слаба здоровьем, поэтому последствия оказались куда серьезнее, она слегла и не может подняться с постели.

— Кто ее отравил?

— Мы смогли лишь определить время отравления — глубокая ночь. Но кто именно подсыпал яд, мы сказать не в силах, — развел руками лекарь.

— Глубокая ночь? — Император перевел взгляд на Шань Лань. — Не ты ли это была?

— Помилуйте, Ваше Величество! Мы с наложницей Шань родные сестры, живем душа в душу, как я могла причинить ей вред? — Шань Лань запричитала, заливаясь слезами. — Если бы я хотела ее извести, разве ждала бы до сегодняшнего дня?

— И то верно, — вставил Евнух Ань. — Госпожа Шань и наложница Шань всегда были очень близки. К тому же всем известно, что прошлую ночь они провели вместе. Разве стала бы госпожа Шань действовать так глупо?

— Шань Лань, вспоминай внимательнее: что сестра ела и пила вчера вечером? — спросил император.

— Вчера мы с сестрой вместе были на банкете, любовались луной и фонарями. Все яства и вино были приготовлены дворцовой кухней, их заранее пробовали евнухи-дегустаторы, там никак не могло быть яда. К тому же, если бы отравка была в еде, пострадали бы и другие наложницы.

Император немедленно отправил людей с проверкой в другие покои, но вскоре гонцы доложили: остальные наложницы чувствуют себя прекрасно, никаких странностей не замечено.

— Тогда, может, кто-то из служанок других наложниц касался посуды наложницы Шань?

— Нет, я всю ночь была рядом с сестрой, никто к ее приборам не прикасался, — ответила Шань Лань.

— Чудеса, откуда же взялся яд? — Евнух Ань был в полном недоумении.

— Я вспомнила кое-что, не знаю, стоит ли говорить, — осторожно произнесла Шань Лань.

— Наложница Шань уже отравлена, чего еще бояться? — императора раздражала их нерешительность.

— В середине банкета сестра ушла, взяв с собой нескольких служанок и евнухов, и вернулась только через час, — не стала больше тянуть Шань Лань.

— Значит, именно тогда что-то случилось! — вскричал император. — Куда она уходила? Где те слуги?

— Мы здесь! — отозвалась Ляньсинь. — Госпожа Шань Лань говорит правду, мы сопровождали наложницу Шань.

— Куда вы ходили?

— Мы ходили... сюда, во дворец Юаньхэн!

Дворец Юаньхэн! Все присутствующие вздрогнули. Император только что был в ярости из-за стихов Императрицы, а теперь и это дело оказалось связано с ней!

— И что наложница Шань делала, когда пришла во дворец Юаньхэн?

— Не знаем, госпожа оставила нас снаружи, а сама пошла засвидетельствовать почтение Императрице! — ответила Ляньсинь.

— Где Императрица?! — на этот раз гнев императора был неподдельным.

— Я здесь, — раздался голос у входа в главный зал. Императрица Сяо Вэньинь стояла с гордо поднятой головой, облаченная в изящное дворцовое платье, с жемчужной короной на голове и черным поясом на талии. Ее макияж был безупречен, а вид исполнен достоинства. Она была здесь уже давно и слышала весь разговор.

— Вчера вечером наложница Шань приходила к тебе. Она что-нибудь ела или пила? — потребовал ответа император.

— Да, выпила две чашки чая, — кивнула Императрица.

Все снова ахнули и переглянулись.

— Ваше Величество, может, вы ошиблись? Может, вчера вечером наложница Шань не пила у вас чай? — Евнух Ань на всякий случай решил переспросить.

— Я не ошиблась, — улыбнулась Императрица. — Честному человеку нечего скрывать. Даже если она пила у меня чай, это еще ничего не доказывает.

В этот момент Шань Лань украдкой ущипнула сестру. Наложница Шань тяжело вздохнула и медленно открыла глаза.

Увидев, что та пришла в себя, император поспешил успокоить ее: — Тебе лучше? Помнишь ли ты, что было вчера, когда ты приходила сюда?

Наложница Шань посмотрела на него затуманенным взглядом, прижала тонкие пальцы к вискам и тихо прошептала: — Я не помню... Помню только звуки цитры Музыканта Юня, видела Императрицу и Музыканта Юня...

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба.

— И что же ты видела, когда смотрела на Императрицу и Музыканта Юня? — лицо императора помрачнело еще сильнее.

— Не помню, правда, не помню... — наложница Шань схватилась за голову, из ее глаз потекли слезы.

— Императрица, тебе есть что сказать?! — взревел император.

— Чистый всегда останется чистым, мне не в чем оправдываться, — ответила та.

— Приказываю обыскать дворец Юаньхэн! — распорядился император.

Обыск прошел на удивление легко, Шань Лань едва сдерживала торжествующую улыбку. Всё, на что надеялись сестры, нашлось: на прикроватных столиках и полках, без единой осечки.

Сначала — новое стихотворение Императрицы под названием Тысячелетие.

Затем — вчерашняя копия стихов, которую она выдала за черновик У Цзыдао, хотя на самом деле это была Ода Десяти Ароматов, написанная на языке Юэ.

И наконец — письмо, которое Музыкант Юнь передал Императрице несколько дней назад.

Три улики. Стоило их открыть, как вина становилась очевидной. Теперь Императрице и Музыканту Юню было не отмыться, даже если бы у них было по сотне ртов.

— Поговаривают, что Императрица необычайно эрудированна. Интересно, что же написано в

этом стихотворении? — Шань Лань проворно подхватила листок с письменами Юэ. — Чернила еще свежие, должно быть, Императрица написала это прошлой ночью?

Вещей было слишком много, император не мог сразу во всем разобраться, поэтому Шань Лань сама выбрала самую весомую, на ее взгляд, улику и поднесла ее к императору.

— Ваше Величество, я полагаю, с этим стихотворением что-то не так, возможно, оно связано с отравлением наложницы Шань.

— О? — император взял листок, присмотрелся, ничего не понял и передал Евнуху Аню. — Кто-нибудь здесь умеет читать эти письма?

— Это... боюсь, моих знаний недостаточно, но ученые мужи из Павильона Лунъюань наверняка разберутся, — предложил евнух.

Вскоре прибыли несколько ученых. Едва взглянув на текст, они изменились в лице.

— Ваше Величество, не считите за неповиновение, но эти строки столь вульгарны, что их невозможно перевести.

— Переводить! Иначе лишитесь должностей! — император ударил по столу.

Через некоторое время ученые, дрожа от страха, представили перевод:

Ода Десяти Ароматов

Семь чи черных волос, в прическу уложены искусно,

На подушке лежат, источая аромат облаков нежных.

...

Вкус супа хорош, слова льются, как музыка,

Кто знал, что во рту у любимого — тепло сладкого аромата.

...

Всего десять строк, одна другой откровеннее, смотреть стыдно.

— Вы уверены в переводе? Ничего не упустили? — грозно спросил император.

— Ни единого знака, клянусь своей головой! — ответили ученые. — Есть еще кое-что: возле

каждого иероглифа [Муж/Возлюбленный] в этом стихотворении стоит пометка [Юнь]. Не знаем, что это значит.

Воцарилась мертвая тишина. Каждый понял намек.

— Ваше Величество, я не писала этих стихов, я лишь скопировала их! — Императрица поспешила оправдаться. — Вчера наложница Шань пришла одна, принесла листок красной бумаги и сказала, что это наследие поэта У Цыдао. Она попросила меня переписать его... Я не знала, что там написано!

— И где сейчас тот лист красной бумаги?

— У меня на прикроватном столике, — ответила Императрица и послала служанку Жуи за ним.

Жуи ушла и вскоре вернулась, что-то прошептав на ухо хозяйке.

Шань Лань увидела, что служанка вернулась с пустыми руками, и, торжествуя, подлила масла в огонь: — По-моему, во всем виновата наложница Шань. Вчера был праздник фонарей, Ваше Величество принимали персидских послов, мы все были в саду... Здесь же, во дворце Юаньхэн, были только Императрица и Музыкант Юнь. Наложница Шань пришла засвидетельствовать почтение, но, видимо, помешала их уединению.

— Я правда не помню никакой красной бумаги, — прошептала наложница Шань, изображая слабость.

— Императрица, если вы были недовольны тем, что она вам помешала, вы могли ее наказать. Зачем же было поить ее Порошком Забвения? — почтительно спросила Шань Лань. — Неужели она увидела то, чего видеть не должна была?

— Замолчи! — рявкнул император. — Императрица, где бумага, о которой ты говорила? Почему ее до сих пор не принесли?

— Это... — на спокойном лице Императрицы промелькнула тень замешательства.

— Осмелюсь сказать! — подала голос Хуаньсян, служанка Чжаожун Сюй. Она была шпионкой наложницы Шань и сегодня уже успела донести на Императрицу, поэтому терять ей было нечего. — Полагаю, никакой красной бумаги и не было!

— Хуаньсян, не говори ерунды! Пусть я ничего не помню, но не смей клеветать на Императрицу! — слабо отозвалась наложница Шань.

— Ваше Величество, наложница Шань, вы слишком добры, а я не могу терпеть

несправедливость! — голос Хуаньсян стал резким. — Все во дворце знают, что Императрица и Музыкант Юнь любовники!

Все присутствующие думали именно так, но из страха перед Императрицей молчали. Лишь эта дерзкая служанка осмелилась высказать то, что у всех было на уме.

— Вчера всё было так! — продолжала Хуаньсян. — Императрица предавалась утехам с Музыкантом Юнем, когда пришла наложница Шань и застала их! Чтобы скрыть грех, Императрица напоила ее ядом, а потом свалила всё на нее, мол, это наложница Шань принесла стихи! Она знала, что та всё забудет, и можно будет сказать что угодно!

— А найденные улики — стихи Императрицы и письмо Музыканта Юня — это неопровержимые доказательства! — выпалила Хуаньсян, готовая принять любую кару.

— Императрица, что скажешь? — император уже наполовину поверил и готов был выхватить меч, чтобы пронзить ее на месте.

В этот момент из боковой комнаты раздался мужской голос: — Если Императрица молчит, позвольте мне сказать.

— Кто это? — взревел император.

— Это... Музыкант Юнь... — узнал голос Евнух Ань.

Ли Юэбай поправил одежду, собираясь выйти и произвести впечатление.

— Музыкант Юнь, нельзя! — несколько евнухов схватили его за рукава. — Вам же нельзя показываться женщинам!

— Ах, точно! Почти забыл! — Ли Юэбай хлопнул себя по лбу. — Вы, принесите ширму, поставьте ее здесь, этого хватит.

Евнухи быстро принесли ширмы и установили их во дворе.

— Хорошо, — Ли Юэбай глубоко вздохнул и щелкнул пальцами. — Шоу начинается!

— Какое еще шоу, следи за речью, — вставил свои пять копеек Системный голос. — Любые анахронизмы будут заблокированы.

— Да чтоб тебя, почему ты всегда появляешься, когда не нужно?! — мысленно огрызнулся Ли Юэбай. — От тебя никакой пользы!

Он поправил одежду — хотя поправлять было нечего, Юнь Вэйчжи всегда был в безупречно белых одеждах, на которых не оседала пыль и не появлялось ни единой складки. Он выглядел как небожитель.

Ли Юэбай вышел из комнаты и низко поклонился императору: — Прошу прощения, Ваше Величество.

Император готов был приказать казнить его на месте, но Евнух Ань удержал его.

— Музыкант Юнь, что ты можешь сказать в свое оправдание? — спросил евнух тоном, каким говорят с покойником.

— Многое, — ответил Ли Юэбай. — Возможно, моя холодность в общении с людьми привела к недопониманию, из-за чего Ваше Величество и остальные сделали неверные выводы, впутав в это Императрицу. Моя вина перед ней неизмерима.

— Недопонимание? — Евнух Ань опешил. — Ты все еще не признаешь вину? Столько улик, неужели ты все еще смеешь спорить?

— Я слышал о трех уликах, о которых вы говорили, — Ли Юэбай указал рукой на вещи за ширмой. — Но должен сказать, все три — подделка!

— Подделка? — все ахнули. Неужели он решил идти до конца, несмотря на смертельную опасность?

— Во-первых, стихотворение, написанное Императрицей сегодня. Хуаньсян утверждает, что в нем зашифровано мое имя.

— Именно так, я слышала это своими ушами! — подтвердила Хуаньсян.

— Прошу Евнуха Аня прочесть это стихотворение, — спокойно произнес Ли Юэбай.

Евнух Ань подошел, нашел листок с сегодняшней датой — чернила еще не высохли, почерк Императрицы был узнаваем. Он развернул его и остолбенел.

Стихотворение называлось Тысячелетие и состояло всего из двух строк:

Мудрость Дао Юнь в веках прославлена,

Лишь пух ив летит, вверяясь чистому ветру.

Император прочел их и тоже замер в недоумении.

— Хуаньсян, ты знаешь, что бывает за клевету на Императрицу? — спросил Евнух Ань. — Здесь всего две строки, где ты видишь имя Юнь Вэйчжи? Его тут нет!

— Нет? Как же нет? — Хуаньсян вытаращила глаза. — Я отчетливо слышала!

Евнух Ань прочел стихи вслух, и наконец до него дошло.

Иероглифы Юнь (облако) и Юнь (имя) звучат одинаково, Чжи (мудрость) и Чжи (имя) — тоже, Вэй (единственный) и Вэй (имя) — идентичны по звучанию. Хуаньсян не знала грамоты, слышала только звуки, вот и приняла желаемое за действительное.

— Ну и что, что иероглифы другие? — Хуаньсян не желала сдаваться. — Звучание-то совпадает, значит, здесь есть злой умысел!

— Верно, — поддержала Шань Лань. — В поэзии важна иносказательность. Если у них связь, они должны были использовать созвучия, чтобы скрыть ее.

— Это стихотворение написано вовсе не для меня, — вздохнул Ли Юэбай. — Посмотрите на смысл. Дао Юнь — это Се Даюнь, знаменитая поэтесса эпохи Цзинь, известная своим благородством и талантом. И иероглиф мудрости здесь относится к ней. Никакого отношения ко мне это не имеет.

Наложница Шань побледнела, понимая, что столкнулась с достойным противником.

— А вторая строка о пухе ивы, который летит по ветру. Се Даюнь прославилась умением писать стихи о пухе ивы, так что это тоже о ней. А чистый ветер — это намек на имя Вашего Величества. Слово же единственно — просто обычное слово.

Императора звали Мужун Фэн, и иероглиф Фэн (ветер) звучал точно так же.

— А что еще означает пух ивы, мне неизвестно.

— Пух ивы — это детское прозвище Императрицы! — не выдержала служанка Жуи.

— Да, — наконец заговорила Императрица. Она подняла глаза и прямо посмотрела на императора. — Это стихотворение посвящено вам.

Теперь, когда смысл стал ясен, все встало на свои места. Императрица сравнивала себя с Се Даюнь, чья добродетель чиста, а ее сердце (пух ивы) полностью принадлежит чистому ветру (императору).

Император смотрел на строки, и его сердце дрогнуло. Он был подозрителен, но в этом стихотворении действительно не к чему было придраться. Если цепляться к созвучиям, то в китайском языке любого можно обвинить в чем угодно. К тому же стихи были искренними.

— Хуаньсян, ты неверно истолковала стихи и оклеветала Императрицу. Какое наказание ты заслужила? — спросил Евнух Ань.

— Я... может, я ошиблась! Но есть же еще две улики! — в отчаянии воскликнула Хуаньсян. — Не верю, что и они тоже ложные!

— Конечно, ложные, — Ли Юэбай понимающе кивнул, про себя добавив: если очень постараться, можно провалить любое дело.

Тысячелетие действительно было посредственным стишком, и написала его не Императрица, а он сам, потратив десять минут. Он надиктовал его наследному принцу, а тот передал Императрице. Она еще ворчала, что стихи грубые и нескладные. Но какая разница, хорошие они или плохие? Главное — выманить змею из норы.

— Перейдем ко второй улике, — Ли Юэбай глубоко вздохнул и указал на письмо.

Несколько дней назад он при всех передал это письмо Императрице, и, говорят, она даже плакала, читая его. Это стало последней каплей для наложницы Шань, решившей их подставить. Однако никто — ни Шань Лань, ни наложница Шань — не читал содержания. Письмо хранилось в шкатулке, которую император в гневе приказал разбить.

— Ваше Величество, прошу, прочтите письмо, — сказал Ли Юэбай.

Император развернул лист, и лицо его прояснилось. Почерк принадлежал наследному принцу. Это было письмо сына к матери. Ли Юэбай часто бывал на родительских собраниях и знал, как писать такие вещи, так что справился мастерски.

Прочитав, император передал письмо сестрам Шань. Их лица стали выразительнее некуда.

— Это... как же так... — Шань Лань внутри себя изрыгала проклятия, но внешне старалась сохранять невозмутимость.

— Наследный принц скучал по Императрице и попросил меня передать ей письмо, — с достоинством произнес Ли Юэбай. — Я передал его открыто, полагая, что честному человеку нечего скрывать. Не думал, что это вызовет такие подозрения.

Кто бы мог подумать? Кто бы мог предположить, что мать и сын, живущие в одном дворце, будут писать друг другу письма через Музыканта Юня! Это абсурд! Заговор, это точно их заговор!

Наложница Шань была в ярости, но, играя роль больной, вынуждена была сохранять скорбное выражение лица. Она тихо спросила: — Странно... Я слышала, что принц все эти дни живет во дворце Юаньхэн и видится с Императрицей каждый день. Зачем же писать письмо, если можно сказать лично?

— Подобные вещи не должны объяснять посторонние, но, раз уж так вышло, я возьму на себя смелость ответить, — сказал Ли Юэбай. — Принцу семнадцать лет, это возраст упрямства. Даже если мать и сын очень близки, им бывает трудно выразить чувства в лицо, вот они и прибегли к помощи посредника.

Подростковый бунт везде одинаков. Ни один семнадцатилетний парень не станет сюсюкаться с родителями, а если и захочет выразить любовь, то сделает это максимально неловким способом. Объяснение было безупречным.

<http://bllate.org/book/19096/1875416>